Анатолий Салтыков-Карпов

Женщина родившая пустоту

Нью-Йорк

2025

Эта книга полностью вымышленная. Все герои и ситуации придуманы автором. Любое совпадение с реальными людьми и событиями случайно.
Мнение героев и цитаты в книге отражают художественный замысел и их творческие фантазии. Они могут не совпадать с мнением автора.

Субботние посиделки

По субботним вечерам семья Толика ездила в гости к друзьям отца. Толик любил бывать в этой семье. Давид Лазаревич был когда то директором мебельной фабрики, на которой начальником производства работал отец Толика. На фабрику пришла из министерства разнарядка - отправить инженера с определенными данными на учебу в Академию внешней торговли. Отдел кадров подготовил несколько кандидатур. В их числе оказался отец Толика.
В результате семья переехала на время учебы в Москву. Отец в течении двух лет успешно учился. По окончанию академии он получил назначение на работу в Финляндию. В Хельсинки -столице Финляндии находилось торговое представительство СССР. Толик, его сестра, мать и отец там прожили около пяти лет после этого возвратились обратно в Советский Союз. Отец немного поработал в системе Внешторга и потом перешил обратно в деревообработку. К тому времени Давид Лазаревич уже вышел на пенсию. Он как-то подружился с отцом. Поэтому Толик с семьей по субботам

приезжал в гости. Для гостей накрывался стол. Кое-что из закусок привозила мама Толика. Давид Лазаревич с отцом выпивали по маленькой, вспоминали свою работу и вели долгие разговоры о политике и международных отношениях. Отец любил интересно рассказывать о жизни в Финляндии. Затем все садились и смотрели передачи по телевизору КВН. Он представлял с собой огромный ящик с маленьким экранчиком и большой линзой. Она увеличивала этот экран. Но все равно смотреть на это чудо техники было интересно. Хотя, когда Толик жил в Хельсинки, то у них был телевизор с большим экраном.
У Давида Лазаревича было две дочери младшая и старшая. Младшая вышла замуж и они с мужем жили в этой квартире. Они также участвовали в застольях и беседах.

Володечка и странная любовь

Старшая дочь Галина для Толика представлялась женщиной-загадкой. Она была очень красивая. При это она обладала в понимании Толика строгой красотой. От этой красоты веяло неприступностью. Она приходила со своим молодым человеком, когда вся семья с гостями сидела за столом. Они здоровались, но за стол не садились. Они сразу же проходили в свою комнату. Толик как приходил так тут же шел в кабинет Давида Лазаревича. Он искал в его огромном книжном шкафу интересную книгу.

Усаживался на диване и запоем читал, отключившись от окружающего мира

Из всего, что запомнилось от этих детских воспоминаний остался только телевизор КВН и Галина своим спутником. Мужчину Галины мама

Толика почему-то называла Володечка. И как-то неприятно о нём отзывалась. Из разговоров отца и матери Толик понял, что Давид Лазаревич осуждает связь своей дочери Галины с этим мужчиной. Со слов матери он оказывается был женат, но почему то ушел из семьи и жил с Галиной. На самом деле Галина была очень умная женщина. Она имела ученую степень кандидата физико-математических наук, была доцентом и преподавала в университете какой-то сложный предмет. Володечка было обычный, неказистый и как то тяжело ходил, переминаясь с ноги на ногу. Через какое-то время примерно через год Толик заметил, что Володечка стал приходить с тростью. Последний раз Володечку Толик видел через три года, когда тот уже ходил на костылях.

Время шло. Толик уже не ездил к Давиду Лазаревичу. У него возникли другие интересы. Он со своими друзьями ходил в дом пионеров и школьником и занимался электроникой. Отец ему купил различные интересные книги на эту тему. Родственники, которые работали в разных оборонных институтах и заводах приносили ему всякие радиодетали. Толик полностью погрузился в изучение техники.

Мама же часто посещала семью Давида Лазаревича. После этого она приезжала домой и рассказывала всё отцу за ужином

- Сергей -сказала мама, обращаясь к отцу - представляешь, а Володечка-то умер.

-Несчастная Галина -сказал отец- столько лет с ним

провела. Жизнь свою загубила. Такая красивая. Могла в своем университете таких парней отхватить. Зачем Галина с ним связалась. Ума не приложу. Он же так и не развёлся со своей женой, ушел из семьи так и жил с Галиной. И что она в нём нашла непонятно? Он же был обычный инженером в научном секторе университета. Мне Давид Лазаревич рассказывал, как она познакомилась. Она разрабатывала какую-то конструкцию и он ей помогал в техническом проекте этой конструкции. Так они сошлись.
-Так мне Давид Лазаревич сказал по секрету, -тихонько сказала мама, -что она ходит на его могилу и там подолгу сидит. Однажды видели, как она даже обнимала могилу. Убивается сильно по усопшему. Видать очень любила его. Хотя за что.
-Ох мать -воскликнул отец- это же люди науки. Неизвестно что у них в голове. Вон додумались, атом расщепили и создали атомную бомбу. Ракеты в космос летают. Это как думать надо, чтобы такое сотворить.

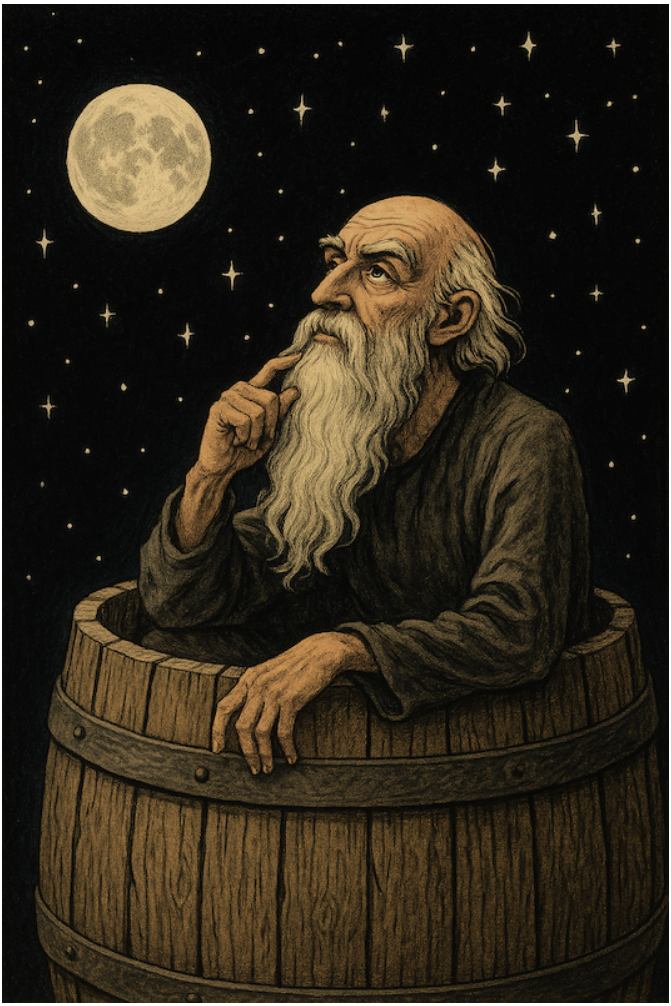
А годы летят

Прошли годы. Толик уже был Анатолием, окончил техникум, отслужил в армии, потом поступил в университет на радиотехнические факультет. Обрел новых друзей. В учебной группе было много хороших друзей и с ними были неплохие отношения. Вместе часто ходили на вечеринки и праздники отмечали вместе. Но это все было как- то обыденно поскольку вместе сидели на лекциях и в

лабораториях, тряслись перед преподами во время зачетов, экзаменов и защите курсовых. Наиболее интересная связь образовалась с собратьями по баскетбольной команде. В университете была студенческая баскетбольная команда. Анатолий прошел отбор и был принят в команду. Она защищала честь университета на различных спортивных олимпиадах. В этой команде Толик подружился в Павликом и Гришей. Они все учились на разных факультетах и общаясь с ними Толик как бы пропитывался другими знаниями вне учебных программ. В ходе бесед оказалось, что они практически одержимы своими будущими профессиями. Павлик мыслил себя философом, поскольку учился на гуманитарном факультете. Было видно по его речам, что он плавно погружается в мир философии. Толик иногда представлял, как он в глубокой старости сидит в бочке и мыслит о чем то вечном и разумном. Гриша был более приземленный так как изучал радиотехнику на радиотехническом факультете.

Студенческие вечеринки

Эта троица, после тренировок любила посещать один уютный пивной бар, который назывался «Дубок». Он располагался на Лиговском проспекте в подвальчике. Там все было чистенько и немноголюдно. К пиву подавали соленые сушки, соломку, черные сухарики и воблу. Но вобла была в продаже не всегда.

Поэтому ребята приносили с собой треску или морского окуня горячего копчения. Поскольку много пива было не выпить, то для усиления приносили с собой немного водки. Делали народный коктейль, который назывался в простонародье «ерш».
Во время таких излияний и закусок их тянуло на разные философские беседы или откровения. Душа студента требовала излить свои страдания, поплакаться в жилетку, обменяться своими

проблемами и воспринять их у своих собратьев по студенческой скамье. Это был народный способ лечения разных психический проблем. Советские люди ходили другу к друг или встречались в парках, лесах или в таких пивных барах. Там они, выпив и закусив, начинали изливать свои проблемы друг другу или группе собеседников. В результате такого мозгового штурма образовывался мистический сообщающийся сосуд. По нему одни проблемы перетекали в души других. Или возможно они просто взаимно уничтожались или одна проблема растворялась в другой. Все таки учиться в таком престижном университете было действительно тяжело. Да и преподаватели расслабиться им не давали.

Мир все же тесен

Толик был безмерно рад своей студенческой жизни. Ему нравилось посещать лекции, жадно впитывать знания и стараться успешно закончить сессию по заданным предметам. У него не было проблем как у некоторых студентов, которые приехали из других городов. Они жили в студенческих общежитиях на средства, которые образовывались от студенческой стипендии и денег, которые высылали им родители, дедушки и бабушки. На втором курсе стали преподаваться другие учебные дисциплины. Толик стал ходит на занятия на физико-математический факультет.

В один из дней он чуть не столкнулся с Галиной. Увидев ее, он почему-то, ощутил испуг и почти

мгновенно развернулся и пошел в другую сторону. Зайдя за колонну он посмотрел на нее. Она практически за эти годы не особенно изменилась и даже как-то похорошела. Только появилось немного седых волос в голове. Оказалось, что она преподает на физико-математическом факультете такой мудреный предмет как математическая физика. Он узнал у студентов старших курсов, что она читает им лекции, а также проводит занятия с аспирантами. Толик тут же вспомнил свои посещения семьи Давид Лазаревича и его семью, телевизор КВН. Это воспоминание странным образом зажгли в нем тепло и согрели. Он хотел было подойти к Галине Давыдовне, как ее теперь звали студенты и коллеги, и поприветствовать и представится как студенту. Но врядли такая строгая доцент могла его вспомнить. Да и наверное она могла вспомнить мрачный период в своей жизни. Толик мог оказаться неким фитилем, который своим выстрелом мог пробудить в ней неприятные моменты в ее жизни и воспоминания. Он вспомнил как мать рассказывала как Галина скорбела по поводу кончины своего Володечки. Как ходила на его могилку.

- Я фитиль - подумал Толик.- лучше как говорят украинцы ховаться. Не дай бог она узнает меня, озлобится и еще подговорит моего преподавателя, чтобы тот меня основательно проэкзаменовал на экзаменах. Поэтому с того момента Толик старался ей не попадаться на глаза и наблюдал за ней издалека. Отец ему всегда говорил, что надо быть внимательным, и стараться не создавать для себя разных трудностей. В жизни и так много

трудностей, а лишние не надо на себя накликивать. Лучше жить по поговорке: «Не дразни гусей».

Беседы с однокашниками

Гриша пришёл на тренировку в несколько нервном состоянии. Во время игры злился, пропускал мячи и был агрессивен.
-Гриша что с тобой? – спросил Анатолий - ты что-то нервный такой.
-Да как не быть -воскликнул Гриша - Да будешь тут нервный. Представляешь сдавал экзамены Галине Давыдовне она у нас два семестр ведёт курс математической физики. Там еще курсовая работа. Дала мне тему написать курсовую о физико-математических основах пустоты.
-Ну брат -вмешался в разговор Павлик- Галина Давыдовна роковая женщина. Тут же в университете есть такие преподы, у которых сдать предмет это все равно что участвовать в атаке сталинского штрафного батальона.
-Да что там штрафной батальон-вмешался Гриша-эта Галина Давыдовна я узнал, что зарезала на предварительной защите одного аспиранта. Тот то решил, что работа сделана. Думал, что пройдет кафедральную защиту и там только публичное выступление и все. Она на заседании кафедры его всего искромсала и загубила диссертацию. Правда потом дала много разных поправок, чтобы работа получила положительное кафедральное заключение. Но работать ему еще придется много. Почти половину диссертации надо откорректировать. Она

говорят ведет какие то секретные работы. Мои знакомые ее видели в институте телевидения. Она посещала один из самых секретных отделов. Там даже доплачивают за секретность. Что то связанное с обнаружением подводных лодок и стартовых площадок межконтинентальных баллистических ракет.

Слово не воробей

-А я Галину Давыдовну знаю с малых лет-решил похвастаться захмелевший Анатолий -я даже не знал, что она такая.
-Откуда ты ее знаешь? - почти одновременно спросили ребята.
-Так она дочка друга отца. Я в детстве часто у. них гостил дома. Но так то я с ней почти не общался. Она с мужем приходила с работы и они сразу шли в свою комнату.
-Так у нее же мужа нет-я слышал от ребят на кафедре-сказал Павлик
-Да он умер-ответил Толик-несчастный парень сгорел во цвете лет. Он же работал старшим инженером в нашем научно-исследовательском секторе.
-Конечно это интересно-сказал Гриша-она такая звезда науки, а он такой простой инженер.
-Откуда мы знаем, что между ними было. -ответил Анатолий-я его видел с ней, когда он еще сам ходил. Потом я видел как они приходили домой и она вела его под ручки и он шел с тростью. Последний раз я видел его на костылях. А моя мать рассказывала, что

она до сих пор ходит на его могилу и там страдает. Вот это настоящая любовь.
-Я бы так не сказал-ответил Гриша – я подслушал разговор ее коллег. Один говорил другому, что Галина Давыдовна после смерти своего друга стала еще лучше выглядеть. Он же не был ее мужем. У него была другая семья. Вот и пойми эту странную любовь.
-Да ничего в этом странного нет -ответил Павлик, отхлебнув глоток пива. -Возможно я ее могу понять. Я читал про одного композитора. Он увидел, как его возлюбленная садится в карету к другому мужчине. И из этого страдания родилась симфония, знаменитая на весь мир. Может, и Галина через своего Володю что-то написала, что войдёт в историю.
-Вот и у меня так-сказал Анатолий- я ее как тут увидел впервые так у меня теперь всплыли воспоминания моего детства. Яркая женщина и её тихий, немощный Володечка на костылях. История, которая казалась непонятной, но в которой, наверное, было больше подлинной верности, чем в десятках «правильных» браков.

Видения Анатолия. Володечка и его мученица

После того, как Анатолий рассказал своим друзьям о том, что давно знает Галину Давыдовну и ее личную драму, то стал переживать.
-Зря я им все рассказал-подумал Анатолий - они могут рассказать дальше и пойдет по университету молва как по испорченному телефону. Каждый будет

свое добавлять в беседах. Действительно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.
Анатолий лежал в кровати и на него обрушились воспоминания.
- Галина была слишком красива и слишком умна для того, чтобы жить «как все». Кандидат наук, женщина с будущим, эффектная и свободная. Казалось бы, её жизнь должна была быть наполнена поездками, успехом, мужьями — не хуже её самой. Но она выбрала Володечку. Он не был ни героем, ни гением. Он был маленьким инженером, каким-то угловатым и слабым, а потом — ещё и больным. Первое время его болезнь была незаметна: трость, лёгкая усталость. Потом костыли, худое лицо, чужая кожа. Любая другая ушла бы. Галина осталась.
Как будто в её крови завёлся паразит, который кормился его немощью. Она пила его страдания, как вино. Он таял, она горела рядом с ним. В этом была её странная сила.
Мать Толика всегда повторяла:
— Странная любовь. Потратила жизнь на больного мужчину.

Рациональные мысли о любви

- Ты мать все таки не права-возразил отец- ты посмотри наши фильмы про военное время. Там же примерно такая любовь и показана. Женщины ждут с фронта своих любимых мужей, женихов. Они страдают переживают. Но, может быть, именно в этом и было её наслаждение? Мужчина, обречённый на смерть, делал её любовь вечной. Любовь к

сильному — земная, бытовая, короткая. Любовь к умирающему — святая, мученическая, такая, что каждый вздох его тела становился почти оргазмом боли. Посмотришь на такие фильмы и легче на душе.
-Так то это так -согласилась мать-но Володечка не воевал. Он не был инвалидом войны. Моя старшая сестра ходила по выходным в госпиталь, где лежали инвалиды без рук и ног, от которых отказались или не нашлись родственники. Работала санитаркой там целый день и потом выходила вся излечившаяся от своих нервных переживаний. Мужу то только кисть правой руки оторвало. А так целехонек. Одной рукой может работать в своей инвалидной артели.
Поэтому отец Галины был в ярости. Он не понимал. Он видел в этом глупость.
-Ты пойми-ответил отец- дурья твоя голова. Но Галина живет не разумом. Она живет в какой-то женской крови, в тайном законе, где любовь — это не выбор, а крест.
-Ты отец как выпьешь- в сердцах воскликнула мать - так бред какой-то начинаешь нести. Видно что действительно фашистский снаряд тебе каску пробил и в голове застрял.

Печальные вести

Через несколько месяцев после посещения семьи Давида Лазаревича мама Толика принесла печальную весть:
— Володечка умер, теперь Галина ходит на его могилу. Даже смерть его не освободила её, а только сильнее привязала. Она несла цветы к его земле, как

будто к самому сердцу своей собственной жизни. И в то же время она писала докторскую диссертацию. Её ум и её страдание слились. Учёные пишут книги из фактов. Но Галина писала её из крови.
Отец Толика усмехнулся:
— Вот и пойми этих женщин. Может, через Володю она и сделалась учёной. Свою симфонию страдания она написала. И в этих словах, может, была правда. Потому что любовь Галины была не о счастье. Это была любовь-самопожертвование, любовь-распятие. Та, что рождает не детей, а философию, не семейное тепло, а вечный холодный огонь.
-Надо же. Несчастная Галина -воскликнула мать - жизнь прожила впустую. Так бы как все нормальные женщины, нашла бы достойного мужчину, родила ребенка и не одного и жизнь бы сложилась. Мало ли толковых мужиков у них в университете. А так что одна пустота у нее оказалась в голове.

Рождение пустоты как пробуждение

-Анатолий – воскликнул при встрече Павел-твоя мама очень проницательный человек. Она меня натолкнула на идею.
-В чем это заключается? -недоуменно спросил Анатолий.
-Она нам подсказала гениальную тему. Когда она сказал, что Галина родила пустоту в голове. Я подумал и вот что скажу. В буддийской философии **пустота** — это не “ничто”, а отсутствие самосущего существования у любых явлений. Всё возникает взаимозависимо.

Когда твоя мама говорила: *“Галина родила пустоту”*, это можно понимать так:
Она дала жизнь не “вещи” или “существу” в привычном смысле, а **самому осознанию пустотности**.
Это может быть метафора пробуждения: “родить пустоту” = открыть в мире истину о том, что всё лишено твёрдого “я”.
В буддийских трактатах именно “мудрость пустоты” считается рождающей Будду внутри сознания.
-Ну это одна теория, как я понял из лекций по философии-ответил Анатолий.
-Нет ты послушай и другие философские теории говорят об этом.
Даосизм: рождение из ничто. В даосизме пустота — это не только отсутствие, но и **материнская основа всего**.
Экзистенциализм: рождение ничто как условие свободы. У Сартра «ничто» — основа человеческой свободы. “Ничто” возникает, когда человек способен сказать “нет”, вырваться за пределы бытия-в-себе
Метафора творчества
Родить пустоту можно понимать и как:
Создать пространство, а не вещь.
Пустота — это возможность, чистый холст.
-Итоговая мысль - воскликнул изрядно захмелевший философ - “Женщина родила пустоту” можно рассматривать как мифопоэтический образ, где **материнское начало соединяется с первоосновой бытия**. Это акт не отрицания, а **созидания через отсутствие**: дать миру не

конкретную сущность, а саму возможность появления всех сущностей.
Павлик так возбудился, что даже не попрощавшись, помчался по коридору университетского здания.

Рождается философ Павлик

На следующий день Павлик встретил Анатолия в коридоре первого корпуса университета.
-Смотри Толик- воскликнул он радостно-я написал трактат на тему вчерашней беседы в «Дубке»
- Ого! -сказал Толик- писать философию под кайфом так ты тогда скоро сопьешься.
-Ты не прав. Древние говорили, что Истина в вине- ответил Павлик-это же общеизвестно. На почитай. Только ты никому не показывай.
Он вытащил из портфеля пачку бумаг, соединенных скрепками и передал Толику. Потом развернулся и побежал.
-Настоящий философ с безумным взглядом-подумал Анатолий.
 Вечером он раскрыл бумаги и стал читать.

Женщина, родившая пустоту

В образе женщины, родившей пустоту, соединяются два кажущихся противоположными начала: творящее и отсутствующее. Женщина в мифах и философских системах символизирует жизнь, полноту бытия, плоть мира. Но если её плод — пустота, то речь идёт не о лишении, а о раскрытии самой первоосновы.

В буддийской перспективе пустота — это не ничто, а отсутствие самобытия у явлений, их зависимость от причин и условий. Родить пустоту — значит вывести на свет истину о том, что всё лишено собственной, непреложной сущности. Это не отрицание жизни, а её очищение от иллюзии твёрдости. Так, женщина становится проводником мудрости, из которой рождается пробуждённый взгляд на мир.
Даосская мысль видит в пустоте источник всех форм. Из небытия возникает дао, из дао — мир. Женщина, родившая пустоту, являет себя как мать самого потенциала: не объекта, а пространства, где возможны все объекты. Она дарит миру не форму, а возможность бесконечных форм.
С точки зрения экзистенциализма, такое рождение можно понимать как явление свободы. Пустота — это “ничто”, позволяющее человеку сказать “нет”, выйти за пределы данного. Женщина, давшая миру пустоту, открыла путь к выбору, к способности быть иным, чем предписано.
В таком случае, этот образ не о трагедии и не об утрате. Это метафора творения через отсутствие: рождения не сущности, а самой возможности. Женщина, родившая пустоту, — мать пространства, из которого рождается всё остальное.

Володечка и кровная любовь

Так причем здесь история с Володечкой?-спросил Анатолий при очередной встрече в «Дубке». Я еще принес усилитель для пива. Нашел только

московскую. Он вытащил бутылку водки с этикеткой «Московская»
-Для наших разговоров пойдет и такая- ответил Гриша и стал разливать водку прямо в кружки с пивом. Так даже лучше. Поскольку здесь запрещено распивать крепкие спиртные напитки. А так пиво будет чуть светлее. Скажем, что они, сволочи-буфетчики опять разбавили водой. Пиво со спиртовым усилителем называется «ерш».
-Мужики-сказал Павлик, отхлебнув пива с усилителем – мне все время не давала покоя судьба Галины. Как только Толик рассказал свою историю, она у меня все время крутится в голове. И ее взаимоотношения с Володечкой. Галина могла бы блистать. Она умела и держать кафедру, и завораживать зал одним движением плеча. У неё были глаза женщины, которая знает цену себе и мужчине. Но она выбрала не «лучшего». Я представлял себе визуально. Она выбрала Володечку — тихого, хрупкого, и постепенно — разрушающегося. Сначала — трость. Потом костыли. Потом его тело стало сдавать с такой откровенной беззащитностью, что на это было страшно смотреть. Для других — жалость. Для неё — странное, мучительное наслаждение. Она будто жила на его боли. Каждая его тяжёлая походка, каждый судорожный вдох отзывались в ней жаром. Она касалась его худых пальцев — и её сердце сжималось так, будто это не его болезнь, а её собственное тело истончалось, теряло кровь. Он умирал медленно. Она горела рядом — ярко и мучительно, как свеча, которая догорает быстрее потому, что стоит слишком

близко к огню. Естественно Толик, ребёнком наблюдавший их, не понимал. Для него это была «странная любовь». Для взрослых — недоумение.

Любовь рождается в муках и страданиях

Но в самой Галине это было законом: женщина создана не для веселья, а для страдания. И её страдание было не серым и тяжёлым — а почти сладким, как удушье во время поцелуя. Когда Володечка окончательно сломался — лежал, иссушенный, уже почти вне тела — Галина не уходила. Она оставалась. И в этом явлении было что-то телесное, интимное, как будто её плоть питалась его убывающей жизнью. Он умер. Но её мучение не прекратилось. Оно стало вечным. Теперь оно жило в ритуале: цветы на могилу, разговоры с его тишиной, пальцы, которые помнили его кожу. И параллельно — докторская диссертация, строки, в которых, казалось, была написана её собственная кровью.
- Мне отец говорил -прервал речь Павлика Толик - может, через Володю она и получила свой ум. Он истончал её душу, пока не осталась только мысль.
- Может быть -согласился Павлик - . А может, её настоящая «диссертация» была не на бумаге. Настоящий её труд — это жизнь, превращённая в мученический роман. Женщина, добровольно согнувшаяся в страдании, будто находила там то, чего другие никогда не знали: оргазм боли, наслаждение тем, что умирает рядом и всё же принадлежит только тебе.

-Ну ты философ даешь!-воскликнул Гриша -надо еще добавить.
Все выпили по большому глотку и диспут продолжился.

Володечка и её мученичество

-Я хожу на ее лекции -сказал Гриша - и вижу стальную женщину. Когда вы тут все это рассказываете, то у меня создается ощущение, что вы обсуждаете совершенно другого человека.
-Ты неправильно рассматриваешь-ответил Павлик - у тебе в голове только технические понятия. Ты смотришь на мир как специалист по схемотехнике. Схемы с конденсаторами, резисторами, проводами микросхемами и прочим. Все построено логично и взаимосвязано с физическими законами иначе схема не будет работать. Но в мире философии все сложнее. Даже в таком казалось бы простом и широко распространенном вопросе как любовь. Великие поэты, писатели, философы пытались описать процесс, представить всю гамму любовных мук. А процесс идет в этом направлении до бесконечности. Любовь Галины не была любовью женщины, ищущей счастья. Её любовь была жертвенной, тёмной, мазохистской. Она не искала удовольствия в объятиях, не ждала защиты от мужчины. Она искала то, что можно испытать только рядом с телом, которое рушится, ломается, уходит. Володечка таял на её глазах. Его движения становились всё беспомощнее, его кожа — всё прозрачнее, его дыхание — всё тяжелее. И каждый

его шаг с костылями звучал для неё как зов. Она любила его именно таким. Сильный мужчина не дал бы ей того, что давал этот — слабый, разрушающийся. Она жила его болью. Она пила её, как яд, который делал её живой. Его немощь становилась её силой. Его смерть — её оргазмом. Она любила прикасаться к его руке, чувствуя хрупкость костей под кожей. Это прикосновение не было лаской — это было проникновение в его умирание. В каждом его страдании был её тайный экстаз. И в этом был её философский выбор: женщина не обязана быть счастливой. Женщина может быть мученицей. В страдании её плоть обретает высшую остроту, её ум — высшую ясность.
Отец Галины правильно негодовал. Он видел в этом безумие, нелепость. Но он не понимал. Для Галины любовь была не союзом, а крестом. И именно этот крест придавал её жизни смысл. Когда Володечка умер, он не освободил её. Он связал её ещё крепче. Теперь его не было, но его отсутствие стало её постоянным любовником. Она ходила на кладбище, словно на свидание. С каждым шагом к его могиле она входила в то же состояние, что другие называют любовным экстазом.
И в этом было её мазохистское величие: она жила тем, что её разрывает.
Докторская диссертация, которую она писала, была лишь прикрытием. Настоящий её труд был не на бумаге. Настоящий её текст был написан на её теле: в морщинах, в сухости глаз, в изломанном дыхании. Женское страдание у неё было почти оргазмическое. Есть же женщины, которые во время оргазма

испытывают сильные страдания. У них из души идет страдание, они рыдают и обливаются горькими слезами. Возникает такое ощущение, что они мучаются по жизни и в оргазме все это у них изливается. Но это был оргазм не от плоти мужчины, а от его разрушения, от медленного крушения жизни рядом. Она впитывала это разрушение и превращала его в силу, в знание, в философию.
Так она сделала свой выбор: любовь как распятие, любовь как боль, боль как наслаждение.

Женщина жизни и мужчина смерти

-Я с тобой согласен -сказал Гриша – действительно Галина была и есть женщина, в которой сама природа вложила силу рождения. В её взгляде чувствуется продолжительность рода, в её теле — та скрытая мощь, из которой рождаются дети, новые поколения, будущее. Она несет в себе жизнь, как земля несёт семя.
 Мы все с удовольствием слушаем ее лекции. У нее очень высокая посещаемость. Девицы на нее смотрят как пример для подражания, а парни фантазируют. Но рядом с ней оказался Володечка — мужчина, обречённый на распад. Его организм крошился, как старое дерево, ещё стоящее на ногах, но уже трухлявое внутри. Его дыхание было похоже на предсмертный стон, его шаг — на шаг к могиле.
Их связь была абсурдной для логики. Но именно в этом абсурде рождалась философия: женщина, созданная для рождения, отдаёт себя умирающему. Она не несёт жизнь дальше — она обнимает смерть.

Эта странная любовь была не слабостью, а высшей формой силы. Она будто говорила: *«Я — мать жизни, но я выбираю быть женой смерти».*
Когда она сидела рядом с его телом, истончающимся и холодеющим, это был акт интимности не меньше, чем супружеская близость. Её руки, привычные к ласке, теперь гладили его немощь, его болезнь, его уход. Она словно принимала смерть внутрь себя, как другие женщины принимают жизнь.
В этом был скрытый садомазохизм самой природы: жизнь не существует без смерти, а смерть — без жизни. Галина стала мостом. Её женское тело, предназначенное для рождения, оказалось вместилищем умирания.
И эта странная связь стала для неё смыслом. Она не родила ребёнка от Володечки, но она родила страдание. И это страдание стало её плодом, её созданием, её бессмертным ребёнком.
Вот почему даже после его смерти она не освободилась. Она продолжала быть беременной его смертью — носила её в себе, как другие носят новую жизнь. И каждый поход на кладбище был похож на родовые схватки: боль, которая приносит не младенца, а новую глубину её собственного существования.
Такова была её философия: женщина может родить не только плоть, но и страдание. И это страдание может быть не менее живым, чем дитя.